

УДК 324(470+571):316.334.3

А.И. Тюленев

ПОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА КАК ФАКТОР ЭЛЕКТОРАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ ИЗБИРАТЕЛЕЙ (НА МАТЕРИАЛАХ РЕСПУБЛИК ТАТАРСТАН И МАРИЙ ЭЛ)

ТЮЛЕНЕВ Александр Иванович — доцент кафедры СНИТ МарГТУ, г. Йошкар-Ола. E-mail: lab5@yandex.ru.

Автор предпринимает попытку, используя данные экспертных опросов, понять механизм и обосновать причины электорального поведения граждан республик Татарстан и Марий Эл. При этом учитывается совокупное влияние комплекса мировоззренческих и деятельностных феноменов, к числу которых отнесены тип политической культуры, а также обусловленные этим типом способ легитимации власти, степень политической активности, формы и содержание политического поведения в целом.

Ключевые слова: политическая культура, электоральное поведение, легитимное господство, политическое участие, экспертный опрос, политическая элита, классификация политических типов.

Чем больше все меняется, тем больше все остается по-старому.

Французская пословица

Несмотря на то что наше исследование посвящено конкретной проблеме, локализовано в пространстве и во времени, его нельзя отнести к жанру кейс-стади. Понимая недостаточность эмпирического материала для преимущественно качественного анализа рассматриваемой взаимосвязи, автор не стремился к тому, чтобы оно полностью соответствовало канонам социологического тематического исследования частного случая. Тем не менее собранная из различных источников и разными способами информация позволила сделать несколько важных выводов, касающихся специфики взаимосвязи политической культуры и электорального поведения на региональном уровне, в республиках Татарстан (РТ) и Марий Эл (РМЭ).

Подчеркнем также, что автор сознательно уклонился от использования данных официальной статистики, хотя на первый взгляд может показаться, что без них невозможно обойтись при изучении проблемы взаимообусловленности избирательного процесса и политической культуры его участников.

© Тюленев А. И., 2012

Отказ от использования официальных статистических данных вовсе не означает сомнения в способности статистических служб собирать и поставлять на рынок информации достоверные сведения о социальных событиях и процессах, но поскольку электоральное поведение и политическая культура его субъектов имеют очевидные политико-идеологические лицевую и изнаночную стороны, автор счел необходимым прислушаться к практическому совету Марка Твена, имплицитно содержащемуся в замечании по поводу высказывания, чаще всего приписываемого Б. Дизраэли. Комментируя афоризм мудрого английского политика, что существуют три вида лжи: ложь, наглая ложь и статистика, американский писатель, в свою очередь, в отношении последней выразился более определенно и категорично. «Цифры обманчивы, — написал он в «Главе моей автобиографии», опубликованной в журнале «North American Review» 5 июля 1907 г., — я убедился в этом на собственном опыте...» [5].

Личный опыт автора также подсказывает, что в сегодняшней России в поисках достоверной информации о политике и таких ее проявлениях, как выборы и политическая культура, надежнее опираться не на официальную статистику, а на здравый смысл, интуицию, логику, мнения и оценки специалистов в области политических проблем, явлений и процессов.

В среде социологов принято считать, что социология более, чем другие отрасли гуманитарного знания, обнаруживает связь со здравым смыслом, который занимает особое место в системе средств, способов и приемов познания социальной действительности. При этом здравый смысл, определяемый как «сырое» знание жизни, четко отделяется от социологии как системы строгих научных правил изучения, понимания и объяснения сложного и противоречивого мира человеческих отношений [1, с. 14–23].

Опираясь на здравый смысл, социолог вырабатывает научное социологическое мышление, которое помогает освободиться от давления «грубых реалий» жизни, а также внушаемых обыденным рассудком представлений о том, что при помощи насилия можно исправить несовершенный мир. Социологию иногда метафорически называют силой власть неимущих [1, с. 24], но в действительную силу, подчиненную целям позитивной социальной деятельности, она может превратиться только тогда, когда ею овладеют власть имущие, в чьих руках находятся рычаги и средства для проведения разумных социально ориентированных реформ.

К сожалению, в современной России люди, облеченные властью, дают мало оснований для надежды на скорое пришествие социологии в мир политики, всецело контролируемый, как бы мог квалифицировать их М. Вебер, политиками по совместительству или по случаю, корыстные устремления которых никак не коррелируют ни со здравым смыслом, ни тем более с социологической наукой.

Едва ли кто-то усомнится в том, что организация и проведение избирательной кампании требуют колоссальных денежных средств, моральных и физических усилий десятков и сотен тысяч людей, обеспечивающих этот процесс. Представим себе непредубежденного наблюдателя, с холодным безразличием взирающего со стороны на то, что происходит в России на протяжении не одного десятилетия. Страна, не имеющая ни нормальных дорог, ни развитой инфраструктуры, большая часть населения которой влачит жалкий образ жизни, тратит огромное количество ресурсов на проведение выборов с заранее известным результатом. Сразу возникает желание проверить пульс у тех, кто организует и проводит такие выборы — здоровы ли они?

Но, отрешившись от аллюзий, навеянных Л.Н. Толстым, когда Кутузов демонстративно щупал пульс у Ермолова, который, осмотрев позицию перед Москвой, признал ее негодной для сражения и подспудно намекнул на возможность оставления столицы Наполеону без боя, и, опершись на здравый смысл, начинаешь думать, что цель проводимых в России выборов состоит вовсе не в том, чтобы определить победителя по правилам, как в шахматах, например.

Основная цель выборов состоит в том, чтобы сохранить и упрочить власть тех, кто ее завоевал в далекие 1990-е гг. с помощью протодемократических процедур и институтов. С тех пор правящая элита делала все возможное, чтобы уменьшить островки протодемократии, расширяя пространство, где доминирует авторитарный произвол. Среди наиболее негативных по своим последствиям для становления демократии акций властной элиты выделим отмену выборов депутатов Государственной Думы по одномандатным округам, замену всенародных выборов губернаторов их назначением сверху, а также принятие закона, усложняющего процедуру инициации референдума снизу. И, как апофеоз крепнущего авторитаризма, выстраивание вертикали власти, вызывающее в сознании образ торчащего к небу штыка и заставляющее вспомнить Наполеона, который когда-то заявил: «Штыками можно сделать все... но на них неудобно сидеть» [12].

Переходя от здравого смысла к методу аналогий, вспоминаешь описанный П. Штомпкой феномен «польского сознания» в период коммунистического правления. Нынешний президент Международной социологической ассоциации, характеризуя дорогостоящие и утомительные, с заранее известными результатами выборы в Польше времен коммунистического правления, объяснял основную причину их проведения необходимостью выполнения внешних функций. Выборы должны были подтвердить наличие в стране некоего подобия демократического режима, хоть как-то напоминающего западные демократии [11, с. 308].

В том, что участие в избирательном процессе политической элиты и связанных с нею групп интересов обусловлено властными и корыстными соображениями, нет ничего удивительного — человек по своей натуре эгоист, в первую очередь он преследует собственные интересы, особенно тогда, когда его никто и ничто не контролирует. Принадлежность к власти, прямая или косвенная, позволяет удовлетворять безграничные амбиции и аппетиты, поэтому участие в избирательном процессе лиц, обладающих властью, а во многом благодаря этому и собственностью, обусловлено действием рассудка или инстинктом сохранения высокого социального статуса и связанных с ним благ и привилегий.

Но чем объяснить участие в голосовании миллионов людей, никак или почти никак не связанных с властью? Вновь обратимся к Штомпке. Польский социолог еще в 1990-е гг. нарисовал реалистичную картину «польского сознания», сформированного четырьмя десятилетиями господства режима, который он назвал коммунистическим. Это сознание амбивалентно по своей природе и пронизано социальным паразитизмом. Люди с готовностью используют «двойную речь», специфический синтаксис, фразеологию и символы, будто играя в две различные игры, по разным правилам. С одной стороны, они критикуют власть, с другой — участвуют в играх, которые власть им навязывает. Одной из таких игр и являются выборы, участие в которых призвано подтвердить лояльность граждан к власти и даже солидарность с ней на почве жесткой оппозиции — «они» и «мы», где «они» — это иностранцы, исповедующие иную политическую мораль и культивирующие иной образ жизни, а «мы» — это граждане «нашего» государства.

Социальный паразитизм, который Штомпка называет пролонгированным инфантилизмом, заключается в том, что, несмотря на неприязнь и недоверие к властям, люди требуют от государства социальной защиты, заботы и других гарантий. Взамен, однако, они совсем не торопятся поддержать власти в их усилиях придать режиму демократическое лицо, даже если эти усилия искренни, как в посткоммунистической Польше. По-прежнему не доверяя власти, граждане демонстрируют удивительную политическую пассивность и апатию, отказываясь от участия в выборах и вхождения в различные политические партии и ассоциации [11, с. 308–310].

Польского социолога удивляет политическая пассивность и апатия поляков на выборах, как он пишет, первого демократического президента Польской республики. Мы, в свою очередь, удивимся тому, с какой поразительной точностью образ народного сознания посттоталитарной Польши, созданный Штомпкой, напоминает тип мышления большинства российских граждан, с особой силой проявившийся в пореформенные времена, особенно в первое десятилетие XXI в., когда у многих россиян исчезли последние иллюзии быстрого перехода к либеральной демократии и обществу всеобщего благосостояния.

Именно поэтому власть вновь прибегла к старой доброй авторитарной традиции, всеми правдами и неправдами принуждая пассивно-недоверчиво-недоброжелательных людей к участию в символических выборах, проводимых ради демонстрации показной солидарности народа с властью и достижения скрытых меркантильных целей правящей элиты. Народ, в свою очередь, с готовностью или без таковой, вновь согласился поиграть с властью в занимательную политическую игру под названием «выборы», двойные правила которой он вызубрил от корки до корки за десятки лет голосования за кандидатов от «единого блока коммунистов и беспартийных».

Вот мы и подошли к той неразгаданной Л.Н. Толстым силе, которая движет народами и которую он пытался объяснить при помощи понятия «силы, равной всему движению народов» [7, с. 231]. Абстрагируясь от понятий и суждений, вроде тех, что объясняют побуждаемую властью электоральную активность пассивных граждан их конформизмом или страхом потерять незначительные блага, обратимся к теории, которой, как известно, нет ничего практичней, если она хороша.

Такой хорошей теорией может стать учение М. Вебера о типах легитимного господства, если, конечно, ее не фальсифицировать. Во избежание этого обратимся к первоисточнику. Но прежде несколько слов о веберовской теории действия, которая лежит в основе упомянутого учения. К тому же электоральное поведение избирателей — это совокупность действий, осознанных или не вполне, и к кому, как к не основоположнику теории действия апеллировать, если стремиться постичь мотивы электоральной активности избирателей?

Жанр статьи, ограниченной в своих размерах, не предполагает или, точнее, не дает возможности для фундаментальной проработки понятий, поэтому приведем лишь две дефиниции. Первая фиксирует внимание на деятельностной сущности электорального поведения, определяя его как совокупность действий и поступков граждан, связанных с местными или общенациональными выборами в органы власти, а также их участием в референдумах [13]. Вторая истолковывает электоральное поведение как совокупность процессов принятия решений и, что для нас особенно важно, как комплекс социальных факторов, влияющих на модели голосования избирателей [2, с. 480]. Одним из таких факторов и является политическая культура избирателей.

Итак, веберовская деятельностная теория исходит из того, что действием следует считать всякий человеческий поступок, в основании которого лежит субъективный смысл или хотя бы самое общее представление индивида о цели и средствах усилий, которые он намеревается предпринять. Руководствуясь критерием мотив действия, Вебер выделил четыре основных типа поступков. Первый тип — действие чисто традиционное. По определению немецкого социолога, такое действие похоже на механическую реакцию людей в направлении некогда усвоенной установки. Второй тип — действие чисто аффективное. Оно находится на границе и часто за пределом того, что Вебер называет осмысленным. Это реакция человека на необычное раздражение, обусловленное повышенным эмоциональным состоянием индивида. Третий тип — действие ценностно-рациональное. По Веберу, чисто ценностно-рационально действует тот, кто, не обращая внимания на возможные негативные последствия, поступает согласно своим представлениям о достоинстве, красоте, благочестии и т.п. И, наконец, четвертый тип — действие целерациональное, когда индивид всецело и исключительно ориентирован на цель, средства, промежуточные и основные результаты предпринимаемых усилий [3, с. 628–630].

Применение веберовской теории действия к оценке электорального поведения большинства современных российских избирателей не оставляет сомнений, что поведение это по своей мотивации никак не может быть отнесено к целерациональным или ценностно-рациональным действиям. Здравый смысл и, тем более, формально-логические оценки убеждают, что действия, не несущие прямой или даже косвенной выгоды и расходящиеся с представлениями о достоинстве, красоте и благочестии, никак не могут считаться проявлениями целерациональной или ценностно-рациональной активности.

Как бывший участник избирательных кампаний, автор на своем опыте давно убедился, что прямо пропорциональной зависимости между частотой посещения избирательных участков и повышением уровня благосостояния его самого и его знакомых не существует. Скорее, наличествует обратная пропорциональная связь: чем чаще человек голосует за предложенных сверху кандидатов, тем меньше с ним считаются. И тем не менее избиратель все же участвует в голосовании. Что им движет? Ужели только страх и полное равнодушие русского народа «...к природе той власти, которая им управляет»? [10, с. 202–202].

В продолжение поиска ответа на главный вопрос статьи вновь обратимся к М. Веберу, на сей раз к его теории легитимного господства. Всякая более или менее длительная существующая власть, полагал немецкий социолог, опирается на твердую почву в лице определенного типа легитимности или признания и поддержки со стороны общества. Общественное признание и поддержка власти заключено Вебером в понятие «социальный порядок». Раскрывая содержание этого понятия, он пояснял, что под социальным порядком имел в виду условность, определяемую как обычай, считающийся в определенном кругу людей значимым, когда индивиды, принадлежащие к этому кругу, вынуждены придерживаться принятой в нем манеры приветствия, одежды, общения и т.д. Легитимность власти, по Веберу, может быть гарантирована только внутренне, а не принуждением со стороны особой группы людей, в чьи функции входит охрана общественного порядка.

Немецкий социолог выделил три типа легитимного социального порядка. В первом случае легитимность власти обеспечивается чисто аффективно, эмоциональной преданностью. Во втором — ценностно-рационально, верой в абсолютную значимость порядка как выражения высших нравственных, эстетических или каких-либо иных ценностей. В третьем —

религиозно, т.е. верой в зависимость блага и спасения от сохранения данного порядка [3, с. 639–640].

Налагая, словно рисунок на кальке, веберовскую схему типов социального господства на современные российские реалии, приходишь к выводу, что легитимность нынешней российской власти обеспечивается, скорее, аффективно, эмоциональной преданностью избирателей вождям, имидж которых СМИ, школа, армия и прочие социальные институты, ответственные за политическую социализацию личности, с упорством, достойным лучшего применения, пытаются втиснуть в прокрустово ложе пресловутой харизмы. Но не станем спешить с окончательными выводами.

Правильность сделанного предположения проверим, обратившись к теории политической культуры, разработчики которой в своих конструктивистских опытах опирались на идеи и методологию М. Вебера. По определению Г. Алмонда и С. Вербы, политическая культура есть определенный образец индивидуальных позиций и ориентаций членов политической системы в отношении политики, лежащий в основании политического действия [14, 15].

Таких индивидуальных образцов американские политологи выделили три, представив их, в духе Вебера, как идеальные типы политических культур. Первый, парохильный (приходской) доминирует в обществах, где политическая система фактически слита с другими общественными институтами. В странах с такой политической культурой население не имеет достаточных знаний о политической системе общества, а зачастую и вовсе не проявляет никакого интереса к политике.

Второй, подданнический (подчиненный) тип присущ обществам, где народ фактически не влияет на политику правящего класса и где граждане или подданные не считают себя самостоятельными субъектами политики. Несмотря на достаточно высокий уровень знаний и понимания природы политической системы, большинство населения политически пассивно, ориентируется на традиционные ценности и надеется на добрую волю и благодеяния начальства.

Третий, партиципаторный тип (участия) превалирует в обществах с плюралистической политической системой. Граждане политически грамотны, активны, рациональны и прагматичны. Они участвуют в политической жизни сознательно, исходя из личного интереса, добиваясь его реализации, даже если он не совпадает с интересом правящей элиты.

Определяя эти типы политической культуры как чистые идеально-типические мысленные конструкции, Алмонд и Верба утверждали, что политико-культурная реальность характеризуется преобладанием смешанных политических культур. Одной из них выступает гражданская культура, в которой наряду с присутствием элементов приходской и подданнической культур доминируют черты культуры участия [15, р. 16–20].

На основе сравнительного анализа политических культур пяти стран (США, Великобритании, Италии, Германии и Мексики) Алмонд и Верба установили пропорции между различными типами политической культуры в разных типах обществ. В демократическом доиндустриальном обществе (Доминиканская республика 1940-х гг.) около 55% населения принадлежали к приходской культуре, 40% — к культуре подчинения и 5% — к культуре участия. В демократических индустриальных обществах (США и Великобритания) доля приходской культуры составила 10%, подчинения — 30% и участия — 60%. Авторитарные переходные системы (Португалия 1940-х гг.) характеризовались таким соотношением политических культур: приходская — 30%, подчинения — 60% и участия — 10%) [6, с. 6–46].

Тип политической культуры продуцирует адекватный тип политического поведения. И то и другое в совокупности формируют определенный политический тип личности. Исходя из комплексного критерия (информированность о политике, интерес к ней и конкретное политическое участие) известный польский социолог и политолог Е.Й. Вятр выделил пять типов личностей. Активисты — активно ищущие информированные люди, положительно настроенные к участию в политической жизни. Компетентные наблюдатели — похожие по характеристикам на первых, но не стремящиеся к активному участию (например, ученые, писатели и др.). Компетентные критики — информированные и интересующиеся, но их отношение к политике и власти в целом отрицательное (критическое). Пассивные граждане — настроены, как правило, отрицательно или нейтрально по отношению к власти, не интересуются политикой, хотя могут быть информированы о ней. И, наконец, аполитичные и отчужденные — мало что знают о политике, не интересуются ею и настроены резко отрицательно ко всякому личному участию в политической жизни [4, с. 259–260].

Завершая обзор теоретических источников, положенных в основу осмысления проблемы воздействия политической культуры на электоральную активность избирателей, коснемся такого важного аспекта массового политического поведения, как степень доверия людей к политикам и политическим институтам. Сошлемся на Ф. Фукуяму, который, занимаясь изучением уровней доверия в различных обществах, пришел к парадоксальному выводу. США, по его мнению, подобно Японии и Германии, всегда были обществом с высоким уровнем доверия, коллективистски ориентированным, несмотря на распространенное среди американцев мнение, будто они всегда были закоренелыми индивидуалистами. Констатируя, что в настоящее время уровень доверия в американском обществе снижается, и усматривая основную причину этого в разрушении традиционной структуры семьи и упадке сообществ среднего звена (местных, церковных, профессиональных и др.) [8, с. 27], американский социолог, не особенно задерживаясь на проблеме взаимосвязи доверия и политического участия, подсказывает направление поисков факторов снижения или, наоборот, роста электоральной активности людей, живущих в условиях демократии. Именно в условиях демократии, поскольку ни при авторитаризме, ни, тем более, при тоталитаризме человек не может быть свободен в своих политически значимых действиях, в частности в реализации своих избирательных прав.

С целью выявления глубинных причин, обуславливающих мировоззренческие представления и социальную активность татарстанских и мариэловских граждан в республиках Татарстан (июль 2009 г.) и Марий Эл (декабрь 2009 г.) проведены опросы экспертов. В каждой республике было опрошено по 50 человек. В роли экспертов выступили специалисты в области предпринимательства, социальных, политических, экономических, культурных факторов и условий, определяющих его становление и эволюцию в регионах Российской Федерации. Ставка на экспертный опрос была сделана сознательно, исходя из убеждения, что эксперт более осведомлен в области исследуемых проблем, а значит, в состоянии дать более квалифицированную и объективную их оценку, нежели обычный среднестатистический гражданин.

Выборочная совокупность была сформирована методом «снежного кома» вследствие невозможности определения точного числа практикующих бизнесменов, а также специалистов в области предпринимательства и социальных контекстов, обуславливающих его функционирование и развитие. Экспертные опросы проведены в городах Казань и Набережные Челны (Татарстан), городе Йошкар-Ола и поселке Советский (Марий Эл).

Отраслевой и профессиональный состав экспертов чрезвычайно разнообразен. Исходя из основной цели и задач авторского исследования наиболее многочисленными отрядами экспертов представлены сферы образования и бизнеса и, соответственно, специализирующиеся на изучении бизнеса ученые и преподаватели вузов, а также предприниматели-практики.

Из восьмидесяти с лишним вопросов, вошедших в предложенную экспертам анкету, выделим четыре, ответы на которые позволили составить определенное впечатление о степени распространения различных типов политической культуры и личности, уровне доверия и восприятии демократии как ценности имеющими право голоса и участия в избирательном процессе гражданами двух республик.

Систематизация ответов экспертов из РТ и РМЭ позволила сформировать следующую таблицу степени распространения в Татарстане и в Марийском крае типов политических культур:

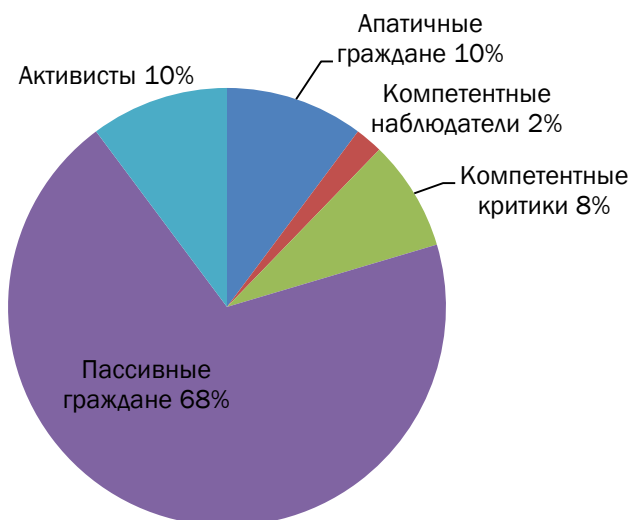
Таблица 1 Степень распространения в Татарстане и в Марийском крае типов политических культур, %

	Партиципаторный	Подданнический	Приходской
В Татарстане	12,5%	37,0%	51,0%
В Марийском крае	14,0%	38,0%	48,0%

Соотнося результаты экспертных опросов с числовыми моделями типов политической культуры Алмонда–Вербы, нетрудно сделать заключение. Пропорции распространения чистых политико-культурных типов в РТ и РМЭ не позволяют определить общий тип политической культуры татарстанского и мариэловского региональных сообществ как гражданский, присущий демократическим индустриальным обществам. В то же время типовая структура политической культуры татарстанского и мариэловского сообществ почти соответствует аналогичным параметрам числовой модели политической культуры, характерной для авторитарных переходных систем. В последних, как известно, доминируют культуры подчинения и приходская, доля партиципаторной культуры невелика. В РТ и РМЭ к тому же по сравнению с Португалией 1940-х гг. удельный вес приходской культуры выше, чем удельный вес культуры подданнической. Поэтому неудивительно, что основная масса избирателей РТ и РМЭ, подчиняясь инерции советского прошлого, прямым и косвенным указаниям властей, послушно участвует в выборах, ограничивая электоральную активность голосованием за предложенных элитой кандидатов.

Экспертам было предложено определить, какой тип политического участия граждан, в соответствии с вятровской классификацией политических типов личности, преобладает в республике. Представленные в виде круговой диаграммы данные наглядно свидетельствуют о том, что в обоих субъектах РФ доминируют пассивные граждане: 68,0% в РМЭ и 50,0% в РТ. Этому политическому типу удивительно подходит характеристика, данная Алмондом и Вербой подданнической политической культуре. Пассивные граждане обладают достаточно высоким уровнем знаний и понимания природы политической системы, но ориентируются на традиционные ценности и послушно выполняют приказы начальства, надеясь на его добрую волю и благодеяния.

Рисунок 1 - Политические типы личности в РМЭ

Рисунок 2 - Политические типы личности в РТ

Желание понять, как связаны между собой политическая культура, политический тип личности и политическое участие, в частности электоральная активность граждан, обусловило обращение к достижениям зарубежных ученых в области исследования взаимосвязи политического поведения с уровнем доверия в обществе как базовым компонентом социального капитала.

Сравнительно недавно американские политологи установили наличие прямо пропорциональной зависимости между степенью гражданской активности людей и уровнем

доверия [9, с. 261]. В США эта зависимость, по исследованиям американских ученых, проявляется в том, что снижение гражданской активности американцев происходит параллельно с падением уровня доверия в обществе и деградацией социального капитала в целом [16].

Аналогии с политическими процессами в современной Америке ненадежны, поскольку социальная действительность США сильно отличается от российских реалий. И тем не менее возьмем на себя смелость провести параллели между Россией и США по такому параметру, как взаимосвязь между уровнем доверия в обществе и электоральной активностью граждан. Ограничимся данными экспертных опросов по степени доверия в общественно-политической сфере и к политикам.

Таблица 2 Уровень доверия в РТ, %

Социальные общности и сферы	Высокий	Средний	Низкий
В Татарстане			
В общественно-политической сфере	0,0%	22,5%	77,5%
К политикам	2,5%	12,5%	85,0%
В Марийском крае			
В общественно-политической сфере	4,0%	14,0%	80,0%
К политикам	4,0%	4,0%	90,0%

Из представленных в таблицах данных видно, что закономерность, установленная американскими политологами применительно к современным США, в российских регионах проявляет себя совершенно иначе. Крайне низкий уровень доверия к политикам и в политической сфере сочетается с достаточно высоким участием граждан в голосовании. Не будем приводить известные всем, по крайней мере тем, кто интересуется политикой, официальные показатели электоральной активности российских избирателей. Констатируем другое. Тип политической культуры в обследованных регионах – подданническо-приходской, даже приходско-подданнический. Такой тип характерен для авторитарных обществ, переходящих под влиянием международных и внутренних процессов от традиции к модерну. Этим и объясняется электоральное поведение избирателей. Традиция предписывает шаблон – голосовать, значит, исполнять гражданский долг, поскольку общество чувствует себя обязанным подчиняться приказам властей, не мысля своего существования без приказывающего государства. Последнее, в духе традиции, в свою очередь, считает необходимым приказывать и при помощи приказов управлять процессом развития «демократии». Харизматический потенциал легитимности власть исчерпала в 1990-е гг. Ценностно-рациональный еще не сложился и не скоро сложится. Остается апеллировать к остаткам традиционного легитимизма и пошатнувшуюся веру в святость традиции подкреплять силой административного ресурса.

В заключение несколько слов о восприятии участниками экспертных опросов демократии и обрисованных ими перспективах ее институционализации в Российской Федерации. Абсолютное большинство экспертов (71,0% в РТ и 68,0% в РМЭ) убеждены, что демократический политический режим создает наиболее благоприятные условия для общественного прогресса, в частности развития предпринимательства. Признавая с той или иной долей убежденности, что демократии на манер современной западной в нынешней

России нет, эксперты видели перспективы ее развития в РТ и РМЭ в ближайшем (до 2015 г.) и в отдаленном (до 2020 г.) будущем.

Таблица 3 Перспективы развития демократии в РТ и РМЭ

Как Вы оцениваете перспективы развития демократии в РФ?	В ближайшем будущем, до 2015 г.		В отдаленном будущем, до 2020 г.	
	РМЭ	РТ	РМЭ	РТ
Весьма благоприятные	2,0%	0,0%	2,0%	0,0%
Благоприятные	6,0%	12,5%	6,0%	17,5%
Скорее благоприятные	24,0%	40,0%	32,0%	30,0%
Скорее неблагоприятные	42,0%	27,5%	30,0%	25,0%
Неблагоприятные	12,0%	15,0%	16,0%	2,5%
Весьма неблагоприятные	4,0%	2,5%	0,0%	2,5%
Затрудняюсь ответить	10,0%	2,5%	14,0%	22,5%

Мы не можем дать убедительного объяснения парадоксальному оптимизму экспертов в отношении благоприятных перспектив развития демократии в РФ в обозримый период. Десять лет — не очень большой срок. Общественное сознание, а вместе с ним политическая культура и электоральное поведение не могут измениться так быстро и радикально, чтобы в России в ближайшее десятилетие взошла заря демократии или хотя бы забрезжил ее свет. По-видимому, до сих пор российский способ восприятия мира и политики определяет стереотип, опозитизированный почти полтора столетия назад Ф.И. Тютчевым: «Умом Россию не понять, аршином общим не измерить: у ней особенная стать — в Россию можно только верить».

Выходит, за полтора века в российском сознании ничего не изменилось? Где уж тут мечтать о возможных переменах в течение одного десятилетия. Поэзия, как и всякий вид искусства, обладает богатыми познавательными возможностями. Что и продемонстрировал Тютчев, интуитивно догадавшись, что русское сознание, в отличие от западного, построено не на логике и калькуляции, а на чувстве и эмоциях.

Логика и здравый смысл отказываются верить в возможность благоприятных перспектив скорой институционализации демократии в стране, где безраздельно господствует приходско-подданническая политическая культура, явно преобладают пассивные граждане, наконец, катастрофически низок уровень доверия в общественно-политической сфере и к политикам. Тем не менее, основываясь на опыте западного политического развития, позволим себе предположить, что в отдаленной перспективе, измеряемой не десятилетиями, а веками, демократия в России все же утвердится. Связано это будет в первую очередь со становлением культуры гражданственности и активным политическим участием граждан, которые, выразив надежду, предпочтут не революционный, а мирный, в том числе и электоральный, способ политических изменений.

Литература

1. Бауман З. Мыслить социологически : учеб. пособие / пер. с англ. под ред. А. Ф. Филиппова. М. : Аспект Пресс, 1996.
2. Большой толковый социологический словарь (Collins).Т. 2(П-Я) : пер. с англ. М.: Вече : АСТ,1999.

3. Вебер М. Основные социологические понятия // Избр. произведения. М. : Прогресс, 1990.
4. Вятр Е.Й. Социология политических отношений / пер. В. Склад, А. Николаев. М. : Прогресс, 1979.
5. Ложь, наглая ложь и статистика // Википедия : [веб-сайт]. URL: http://ru.wikipedia.org/wiki/Ложь,_наглая_ложь_и_статистика.
6. Пивоваров Ю. С. Концепция политической культуры в современной науке // Политическая наука : теоретико-методол. и историко-культур. исследования. М. : ИНИОН РАН. 1996.
7. Толстой Л. Н. Война и мир. Т. 4 / коммент. Л. Д.Опульской. М. : Просвещение, 1981.
8. Фукуяма Ф. Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию : [пер. с англ.]. М. : АСТ : АСТ Москва : Хранитель, 2006.
9. Хейвуд Э.. Политология. М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2005.
10. Чаадаев П. А. Отрывки и афоризмы // Избр. произведения. М. : Правда, 1991.
11. Штомпка П. Социология социальных изменений / пер. с англ. под ред. В. А. Ядова. М. : Аспект Пресс, 1996.
12. «Штыками можно сделать все... но на них неудобно сидеть « (Наполеон) // Управление персоналом : [веб-сайт]. URL: <http://www.top-personal.ru/newsissue.html>.
13. Электоральное поведение // Академик : [веб-сайт]. URL: <http://dic.academic.ru/searchall.php?SWord=электоральное+поведение&stypе=0>.
14. Almond G. A., Verba S. The civic culture revisited. Princeton ; New York, 1963.
15. Almond G. A., Verba S. The civil culture: political attitudes and democracy in five nations. Boston, 1965.
16. Putnam R.. Bowling alone. NewYork, 2000.